

Сезон в Смоленском театре

За последнее полугодие Смоленский театр поставил шесть спектаклей: «Враги» М. Горького, «Профессор Полежаев» Л. Рихманова, «Старые друзья» Л. Малюгина, «За тех, кто в море!» Б. Лавренца, «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева и «Русский вопрос» К. Симонова.

На творческой конференции, организованной Всесоюзным театральным обществом в Смоленске, выступали зрители, критики, партийные и комсомольские работники. Все они отметили, что коллектив театра, борясь за реализацию решения ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров, в трудных условиях добился больших творческих успехов. Зрители, высоко оценивая в своих выступлениях идейную зрелость театра, особенно остро ставили вопросы эстетические, художественные. Почему так широким образом роли немцев в чудесном спектакле «Молодая гвардия»? Зачем в «Русском вопросе» показаны, как злобные и гротескные фигуры? Идейные и художественные достоинства спектакля нераздельны, и задача театра состоит не только в том, чтобы провозгласить хорошие мысли, идеи, но и в том, чтобы увлечь зрителя правдивостью художественных образов.

Наибольшую трудность для театра, видимо, представляла пьеса Л. Малюгина «Старые друзья».

Первая ошибка театра в том, что главная роль в этой лирической пьесе поручена М. Шуко — актрисе острохарактерной. Она великолепно передает молодой задор, полноту сил и жизнерадостность героини. В первом действии на вечеринке Тоня — Шуко, позитивная, живая, элегантно-грациозная, полна непринужденного веселья. Но вот прозвучали первые робкие любовные признания. Тоня надо слушать, размышлять, рачать. И тогда вдруг ее облик как-то тускнеет, движения лишаются внутреннего огня, слова — глубокого смысла. У актрисы нет красок для выражения лирических волнений героини. И даже потом, когда она много переживает и должна была бы повзрослеть, легкомыслие, подчеркнутый инфантилизм остаются основными чертами ее характера. А это бесспорно — во всей главной идее спектакля и его моральному смыслу. Ведь предпочтение, которое отдает Тоня Зайцеву, становится при подобном толковании этого образа не решением зрелого ума, не высокой справедливостью глубокого, искреннего чувства, а капризом своенравной девишки.

Впрочем, такое впечатление создается не только по вине Тони — Шуко. Исполнитель роли Дороскина А. Потехин всем — обличком, темпераментом, уверенностью в себе — явно затмевает бесцельного Шуку Зайцева (В. Калинин). Дело не только в том, что Зайцев — Калинин не дочка лирического подтекста роли, не сумев вычитать внутреннюю значительность своего героя, но и в том, что театр (постановка А. Шубина) не оценил по достоинству каждого из старых друзей Тони, не смог построить главный конфликт спектакля так, чтобы чистота чувств Шуры Зайцева героини возмужала любовью и героини, и зритель.

Нельзя сказать, что нет удач в этом спектакле. В спектакле немало теплых, лирических сцен. Но театр не всегда чувствует те грани, где беспечная и веселая болтовня молодежи, собравшейся на вечеринку, должна переходить в серьезный разговор о времени и о себе, в скрытый за простыми словами моральный поединок двух различных взглядов на жизнь.

И мы видим, насколько может увеличиться сила эмоционального воздействия спектакля, если в нем глубоко раскрыты человеческие образы пьесы. Такой на сцене Смоленского театра спектакль «За тех, кто в море!» (режиссер М. Борзунов).

Режиссер не поспешил сразу же издеваться всеми добродетелями Максимова и при первом же появлении на сцене сорвать маску с Боровского. Максимов (В. Калинин) в начале спектакля скуп на слова, прост, суховат, ничем не примечателен, а в Боровском (В. Лукин) есть и своеобразный флютский «блеск», и обаяние, и живость ума. Таким образом, зрителям предоставляется оценить качества двух героев не по внешним, а по внутренним свойствам. Г. Юенков, превосходно играющий роль

Харитонина. Безобидный, казался бы тост Боровского и слова слушает очень чутко, внимательно и затем высмеивает Боровского зло, «до того», беспощадно. Для него этот тост — не пустые слова, а явные заблуждения, определяющие внутреннюю сущность человека. Юенков очень тонко показал, что Харитонов умеет не только обрушиться на дурака и человека, но и, как истинный отец-командир, горячо, искренно порадоваться тому хорошему, что он открывает в душе своего подчиненного. Полна глубокого смысла сцена в камне Максимова, когда тот, отстраненный от командования отрядом, отдает блестящий план разработанной им боевой операции командиру для того, чтобы его осуществляли другие. Ликование слышится в голосе Харитонина — Юенкова. Он открыл, что для Максимова «мне» и «наше» — нераздельны.

Свое умение ясно выражать художественными образами идею спектакля, его конфликт режиссер М. Борзунов показал также и в «Молодой гвардии» А. Фадеева — лучшим спектаклем Смоленского театра. Театр избрал инсценировку Охлопкова, которая предопределяет не только яркую, острую форму выражения идей этой своеобразной пьесы, но и стиль сценического воплощения всех ее образов. Режиссер построил спектакль так, что динамика действия предвзает высокое напряжение борьбы героев Краснодона.

Для того, чтобы образ каждого героя вырос из картины к картине, чтобы его судьба приковала внимание зрителей, нужно было при усложняющейся сценической форме спектакля характеры людей, их человеческие свойства сделать безусловно предвидимыми. И актеры прекрасно справились с этой задачей.

Уля Громова в исполнении актрисы Д. Африной — натура нежная и поэтическая. Большие задумчивые глаза. Медлительные движения. Актриса прекрасно выражает внутреннюю страстность Ули, ее веру в победу, ее гордую и непримиримую ненависть к врагам. Полна веселой улыбки и задора Люба Шенцова (М. Шуко).

Если Уля — сама поэзия, а Люба — действие и порыв, то Ваня Земнухов в исполнении артиста И. Воганова — это наша духовно богатая молодость. Сосредоточенность Земнухова служит актеру Богданову средством выражения высоких внутренних качеств героя — его рожденной широтой значения мудрости, его чистоты, честности, прямоты.

В спектакле правдиво показано становление характеров. Вначале угловатый, вихрастый, полный мальчишеской отваги Сергей Тылелкин (В. Кабанов) среди смертельных опасностей и трудных боевх дел мужает, вырастает из забавы в юность, суровым и решительным становится его облик, скупым — движением. Может быть, слишком торопливо с первого появления на сцене превращен в вожака Олег Кошевой (А. Потехин), но он властно и уверенно главенствует над друзьями — юными полновозрастными.

Великолепный, призывный, романтический тон и строй у спектакля. Но как только на сцене появляются немцы, в зале непонятное ожесточение. Все как, как на подбор, нелепы и уродливы. Такой показ злобных и некогда сильных врагов преуменьшает реальные опасности, пережитые героями Краснодона, асей нашей родины в борьбе со страшной машинной титлеризмом.

Театр должен быть театром, а не в лучшем смысле этого слова. Но это вовсе не означает, что актеры грубоватой, примитивной игрой должны освободить зрителя от размышлений, от необходимости угадывать, самостоятельно выводить мораль из пьесы. Боясь такого огрубления конфликта продиктовала К. Симонову «несколько авторских замечаний», которые являются послесловием к его пьесе «Русский вопрос». В нем он рекомендует актерам, исполняющим отрицательных героев, «не ощущать себя внутренне негодными и не относиться отрицательно изнутри к самим себе».

При сценическом воплощении пьесы «Русский вопрос» в Смоленском театре постановщик спектакля А. Шубин пренебрег хорошим советом автора. И Макферсон (П. Соколов) и Гульд (В. Лукин) сразу же, в первой картине спектакля проявляют: первый — личную, алую власть и ненависть к всякому, а второй — неприкрытую кагость и коварство. И поэтому актер В. Молчанов, который великолепно играет Гарри Смита — честного, прямодушного, благородного, поставая в затруднительное положение. По тому, как ведет себя Гульд и Макферсон, Смит должен поврать с ними не в середине, не в конце спектакля, а немедленно после поднятия занавеса. От недоверия к зрителю, к его пролициальности режиссера жирно подчеркнула многие моменты, добавляя разъясняющие события «находки». В барах за спиной разоренного Гарри Смита вырастает мрачная фигура с табличкой на груди: «Я безработный журналист — помогай!».

Зачем это нужно? Обогащают ли такие «находки» действие? Обостряют ли они интерес зрителей к основному конфликту? Ничуть.

Смоленский театр драмы растет, крепнет и успешно работает над советским репертуаром. Но в борьбе за идейность своего искусства он не должен забывать, что идею спектакля следует воплощать средствами искусства, жизненно правдиво и политически мудро решая основной конфликт пьесы.

В. СУХАРЕВИЧ